

История

УДК 94(470.25)“15/17”+355.48(045)

Геополитический вклад Пскова в защиту русского Севера в эпоху «северных» войн кон. XVI – нач. XVIII вв.

© **Егоров** Андрей Михайлович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы, кандидат исторических наук. *Приоритетные темы исследований:* история контрабандизма, пограничной безопасности и трансграничного сотрудничества на Северо-Западе и Севере России. Контактный телефон: +7 921 212 36 33. E-mail: egorovam2009@rambler.ru.

В статье рассматриваются сложные проблемы трансграничных отношений на севере Европы, не потерявшие своего значения и актуальности до настоящего времени. В работе нашли отражение события так называемых «северных» войн сер. XVI – нач. XVIII вв. в том виде, как они выглядят через призму ключевого пограничного города на северо-западной границе России, т. е. Пскова, который являлся в рассматриваемый период главным оплотом российской государственности на Северо-Западе страны и оказался в самом эпицентре международных противоречий. Статья вводит в научный оборот некоторые малоизвестные факты, которые позволяют более объективно взглянуть на историю и настоящее Севера и Северо-Запада России.

Ключевые слова: *централизованное государство, геополитический вакуум, стратегическое значение, военный конфликт, династические противоречия, претензии, привилегии, международный договор, нейтралитет, интервенция, граница, перемирие, дипломатия, демаркация, коалиция, диспозиция, капитуляция.*

Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the “northern” wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries

© **Egorov** Andrei, Associate Professor of Public and legal disciplines Pskov Law Institute FSIN of Russia, colonel of internal service, candidate of historical sciences. *Priority research topics:* history of contrabandism, boundary safety and transboundary cooperation in the Northwest and the North of Russia. Contact Phone: +7 921 212 36 33. E-mail: egovam2009@rambler.ru.

Abstract

The article deals with difficult problems of cross-border relations in the north of Europe, have not lost their importance and relevance to the present. In the work we showed the events reflected and so-called “Northern” wars middle. XVI – the beginning. XVIII centuries. In the form how they look through the lens of a key border town in the north-western border of Russia, Pskov, which was at this period the main city of Russian statehood in the Northwest and the country was in the middle of international controversy. Article introduces the scientific revolution, some little known

facts that allows to use more objective look at the history and present of the North and North-West Russia.

Keywords: *centralized state, a geopolitical vacuum, strategic, military conflict, dynastic controversy, claim, privilege, an international treaty, neutrality, intervention, border truce, diplomacy, the demarcation, the coalition, disposition, surrender.*

Укрепление централизованных государств, окружавших Балтийское море, и распад средневековой Ливонской конфедерации создали на заре Нового времени геополитический вакуум, втянувший соседние страны в активную борьбу за Восточную Прибалтику. Особое значение эта борьба имела для Польши, Литвы, Швеции и России. В самом эпицентре международных противоречий между этими странами оказался Псков, являвшийся в XVI–XVII веках главным оплотом российского государства в данном районе. Иностранцы, в свою очередь, высоко оценивали как оборонительный, так и наступательный потенциал Пскова: «Россия считала его вернейшим оплотом против Лифляндии, а Польша и Швеция постоянно желали приобрести его, как внешнюю ограду против этой страны» [1, с. 302].

Стратегическое значение Пскова чрезвычайно ярко проявилось в целой череде так называемых «северных» войн, происходивших с 1558 по 1721 г. и направленных на установление их участниками собственной гегемонии в бассейне Балтийского моря (*dominium maris Baltici*). Псковская крепость была одним из крупнейших оборонительных сооружений в Восточной Европе. Длина ее стен в XVI веке составляла 9 км, причем их расширили и укрепили; построены были также монументальные башни – Покровская, Гремячая и другие. Сооружения крепости были сложены из местного плитняка и валунов. Специалисты подсчитали цифры расхода материалов в ходе этого строительства: около 600 тыс. кубических метров каменных материалов, 123 тыс. кубических метров извести, еще столько же песка и приблизительно 20 млн. ведер воды. Один из участников польской осады Пскова в 1581 году восхищался его масштабами: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам Боже с ним справиться» [2, с. 321]. Выдающиеся качества псковской цитадели признаются и современными зарубежными экспертами (например, британским военным историком Робертом Фростом) [3, с. 83].

В период Ливонской войны 1558–1583 г. героическая оборона Пскова сорвала захватнические планы польского короля Стефана Батория. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной скромной статьи. Достаточно вспомнить замечание Н. М. Карамзина, считавшего, что своей героической обороной Псков «спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени» [4, 142].

К сожалению, данный завет классика не является охранной грамотой для последующих событий псковской истории. В настоящее время иногда даже маститые российские историки, прекрасно ориентирующиеся в перипетиях европейской политики того периода, допускают досадные ошибки (или оговорки), когда речь заходит о военно-политическом прошлом собственной страны. Очень странно, например, звучит мнение о том, что по Столбов-

скому миру 1617 года шведы были вынуждены *вернуть* (?) Псков [5, с. 55]. Особенно неприятны подобные ошибки, когда они тиражируются авторитетными научными изданиями. По этой причине стоит напомнить о некоторых фактах, которые не без участия Пскова преопределили пути развития русского государства в XVII – начале XVIII веков и привели, в конечном итоге, к созданию Российской империи.

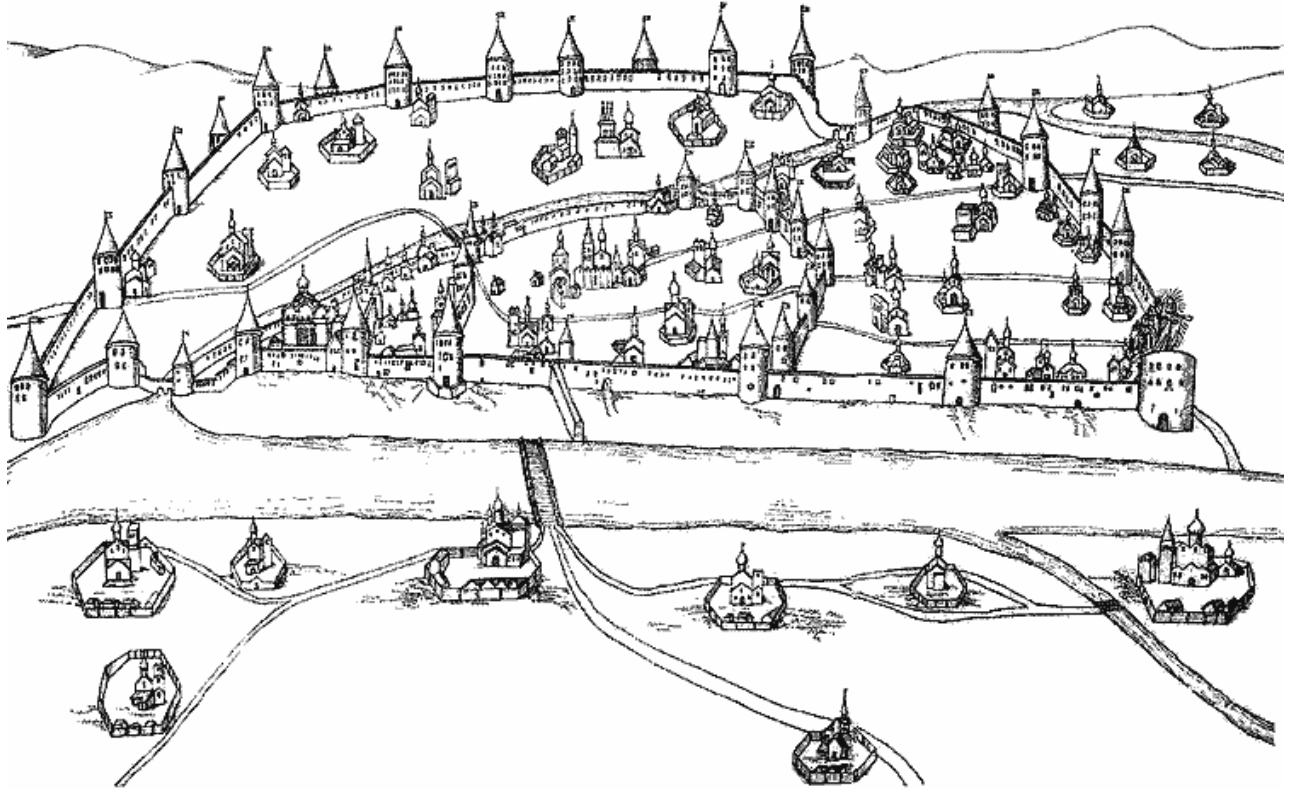

Рис. 1. План Пскова 1581 года. URL: <http://www.kremly.ru/pskov.html> (дата обращения: 03.01.2012)

Не прошло и двадцати лет после окончания Ливонской войны, как у самого порога Пскова вспыхнул новый военный конфликт. Его катализатором снова стала Прибалтика, поделенная между Речью Посполитой и Швецией. При этом первая владела Лифляндией с Ригой и Тарту, а вторая – Эстляндией с Ревелем и Нарвой. Однако обе стороны были не прочь расширить свои владения за счет соседа. Положение усугублялось их династическими противоречиями.

В 1592 году король Польско-Литовского государства Сигизмунд III Ваза унаследовал и шведский трон. Но его негибкая политика и яркий католицизм вызвали сопротивление протестантского населения Швеции, и Сигизмунду III пришлось вернуться в Польшу. В 1599 году шведский риксдаг избрал новым правителем дядю короля, Седерманландского герцога Карла, который короновался в 1604 году под именем Карла IX. Противоречия между Речью Посполитой и Швецией продолжали нарастать.

Первыми военные действия начали шведы, использовав в качестве предлога претензии Сигизмунда III на Северную Эстонию. В 1600 году тогда еще герцог Карл во главе войска вступил в Таллин. Несмотря на то, что основные военные силы Речи Посполитой были заняты на войне с турками, шведы понесли значительные потери под Цесисом и Кокнесе. Неудачей завершилась и шведская осада Риги. Осенью 1601 года в Ливонское Задвинье прибыл со

своими войсками сам король Сигизмунд III, и к концу года польско-литовским силам удалось вытеснить шведов со всей территории современной Латвии.

В 1604 году при осаде Риги шведов вновь постигла неудача. Город Рига, получавший доход от торговли с Белоруссией и Литвой, был заинтересован в сохранении добрых отношений с Речью Посполитой. В благодарность за верность город потребовал от польского короля новых привилегий. Шведы предприняли рейд вглубь Курляндского герцогства, однако в 1605 году потерпели крупное поражение у Кирхгольма, где войска Речи Посполитой под предводительством гетмана Яна Ходкевича разбили превосходящие силы противника. Карлу IX едва удалось избежать плена.

На Руси в это время бушевала смута, что крайне осложняло положение Пскова перед лицом воинственных соседей. Правда, новый шведский король Карл IX первоначально продемонстрировал московским властям показное дружелюбие и пытался заключить с ними союз против агрессивных поляков. В 1608 году популярный русский полководец М. В. Скопин-Шуйский заключил на состоявшейся в Новгороде встрече со шведским послом М. Мортенсоном предварительное соглашение о предоставлении Швецией правительству царя Василия Шуйского военной помощи для борьбы с его противниками. Это соглашение было подтверждено в 1609 году Выборгским договором, который предусматривал передачу в распоряжение Москвы вспомогательного шведского контингента численностью в 5 тыс. солдат под началом Якоба Делагарди. Союз между Россией и Швецией, заключенный в 1609 году, вызвал недовольство польского короля. Воспользовавшись внутривосточными проблемами России, Сигизмунд III в том же году официально объявил ей войну. Выборгский договор действовал только до середины 1610 года, т. е. до поражения русско-шведской армии под Клаузиным у Смоленска. В этой битве победили поляки, а шведские наемники Делагарди за обещание сохранять нейтралитет организованно отступили на север, тем самым предав своих союзников. Войска Речи Посполитой взяли Москву. После долгой осады в июне 1611 года пал Смоленск.

Удостоверившись в бедственном положении России, шведское военное руководство вероломно развернуло против нее необъявленную интервенцию. Оно намеревалось отторгнуть в пользу Швеции все побережье Финского залива, прежде всего Ижорскую землю (Ингрию) и Карелию. Для закрепления своей власти шведы ввели войска в такие древнерусские города, как Корела (Кексгольм), Орешек (Нотебург), Ям (Ямбург), Ладога, Копорье, Ивангород. Более того, летом 1611 года Делагарди подошел к Новгороду, встал лагерем у Хутынского монастыря, а затем пошел на штурм и сумел захватить Софийскую сторону. Это сразу сделало шведов хозяевами положения и побудило часть новгородцев присягнуть на верность их королю. До 1617 года шведские оккупанты удерживали весь русский север от Лапландии до Старой Руссы.

В данных условиях только Псков, героически оборонявшийся в условиях практически полной изоляции от остальной территории страны, предотвратил окончательную аннексию Северо-Западной Руси в пользу шведской короны. Положение усугублялось присутствием в соседней Лифляндии другого опасного врага псковичей – польско-литовских агрессоров. Весной 1611 года литовский гетман Лифляндии Ян Ходкевич, находившийся в тот момент в

Тарту, напал на Печоры и в течение шести недель осаждал этот монастырь-крепость. Своевременная помощь из Пскова спасла его западный форпост [6, с. 120]. В конечном итоге вспыхнувшая в России народная освободительная война заставила поляков отступить окончательно. Но с севера и востока городу продолжали угрожать шведские интервенты. Начиная с 1611 года шведы и их новгородские союзники пять раз пытались овладеть Псковом. Особой остроты борьба за город достигла в 1615 году.

Основная опасность Пскову угрожала со стороны принадлежавшей шведам Нарвы. Однако на их пути лежал непокоренный псковский пригород Гдов. В реализации шведских планов возникли и другие заминки. 30 октября 1611 года Карл IX скоропостижно скончался, и шведским королем стал его семнадцатилетний сын Густав II Адольф. Позднее он прославится как выдающийся полководец-новатор, который радикально изменит ход так называемой Тридцатилетней войны (1618–1648) – первого общеевропейского конфликта, заложившего фундаментальные принципы современного международного права. Однако слава «Северного льва» ждала его в будущем. А пока «Снежному королю» (еще один романтический эпитет, которым наградят Густава Адольфа современники) предстояло завершить дела, начатые его отцом.

В 1611–1613 гг. вспыхнула скоротечная Кальмарская война между Швецией и Данией, потребовавшая личного присутствия нового монарха. Тем не менее, как только позволила обстановка молодой шведский король обратил свое внимание на псковскую границу. В письме Якобу Делагарди, датированным 1613 годом, Густав Адольф написал: «Представляется весьма полезным напасть на Псков и попытаться там счастья по той причине, что Псков является большим торговым городом, откуда потом Швеция и ее жители могут вести большую торговлю, если он перейдет в наши руки» [7, с. 75]. В 1614 году Густав Адольф лично отправился на будущий театр военных действий через столицу шведской Финляндии Або (Турку), Выборг и Нарву. Королю удалось взять Гдов, после чего он отплыл в Швецию с намерением продолжить наступление на Псков в следующем году.

В самом начале 1615 года шведы провели против Пскова разведку боем, но были отброшены его защитниками. Затем летом того же года к стенам города подступили войска шведского командующего новгородским гарнизоном Эверта Горна. Наконец, 30 июля 1615 года с севера по Гдовской дороге к Пскову подошли основные силы шведов во главе с самим королем. Ставка Густава Адольфа была устроена в Снетогорском монастыре. В тот же день псковичи предприняли неожиданную вылазку против врага. В результате шведские отряды понесли существенный урон, сам король Густав Адольф, по слухам, был ранен, а фельдмаршал Горн убит. Псковская летопись особо отметила гибель именитого шведского военачальника: «Чудо бысть преславно. Милостью Святой Троицы и Пречистой Богородицы и святых чудотворцев псковских невидимою силой убиен бысть злой варвар храбрый их воевода Евергорн яко же древний Голиаф» [6, с. 120]. Эти первые столкновения сразу показали шведам, что им придется преодолевать оборону не деморализованного смутой населения, как они рассчитывали, а хорошо организованное сопротивление опытных и привычных к войне людей.

Шведы предприняли попытку взять Псков хитростью. В ночь на 15 августа их небольшой отряд совместно с «малороссийскими» казаками-перебежчиками совершил диверсию, попробовав проникнуть в крепость обманом под видом беженцев. Однако бдительная стража их не пропустила. Тогда они взорвали Взвозские ворота недалеко от Нижних решеток и, прорвавшись внутрь крепостной ограды Запсковья, устремились к Варлаамским воротам, напротив которых стояли главные силы шведов. Ситуация была критическая, но псковский гарнизон и местные жители оказались на высоте. В результате ожесточенного уличного боя псковичам удалось выбить захватчиков из города и запереть Взвозские ворота.

Ночной штурм сорвался, и Густаву Адольфу пришлось возобновить планомерную осаду города, которая продолжалась около двух месяцев. По периметру крепостных стен были возведены шведские укрепленные батареи (т. н. «горки»). 9 октября 1615 года шведы начали генеральный штурм с северной стороны Пскова. Этому предшествовала трехдневная бомбардировка, в результате которой были повреждены башни Кутекрома и Смердя в Кремле, а также угловая Варлаамская на Запсковье [8, с. 220]. Шведский король направил свои основные силы на приступ Ваарлаамских ворот. Кроме того, шведы форсировали реку Великую и нанесли вспомогательный удар от Ивановского монастыря в направлении Нижних решеток. Однако все эти операции закончились для шведов неудачей.

После того как псковичи отбили штурм, Густав Адольф окончательно снял осаду и 17 октября отдал приказ на отступление. Пытаясь парализовать нормальную жизнь города, интервенты возвели в устье Великой укрепленный форт, гарнизон которого предполагалось снабжать из Нарвы по Псковско-Чудскому озеру. Шведский король рассчитывал использовать этот острог в качестве пристани для своих гребных судов и плацдарма в случае возобновления кампании против Пскова в следующем году. Псковичи хорошо поняли замысел шведов и не оставили им шанса для его реализации. Как свидетельствует псковская летопись, «псковстии же мужи сами своими головами обседоша градец их, гладом изморивше и взяша» [6, с. 118]. В начале 1616 года они очистили от оккупантов дельту Великой, восстановив тем самым возможность нормального судоходства и сообщение Пскова со своими северными пригородами и Прибалтикой.

Весть об окончательном разгроме шведов на берегах Великой застала Густава Адольфа в Гельсингфорсе (современный Хельсинки), где в январе 1616 года начались заседания сословного собрания королевства. События под Псковом негативно повлияли на настроения его депутатов, высказывавших королю претензии в том смысле, что «русская война ведется более из жадности к чужой земле, чем по необходимости» [7, с. 77]. Таким образом, Псков стал первым среди немногочисленных военных и политических фиаско Густава Адольфа. Тяжелейшее разгромное поражение шведов под Псковом заставило их умерить свои великодержавные амбиции при подписании Столбовского договора 1617 года, согласно которому русскому государству возвращалось ядро новгородских земель. Однако полностью восстановить довоенный статус-кво не удалось, в результате чего от России оказалось отрезано все принадлежавшее ей побережье Финского залива. При этом псковская граница осталась в неприкосновенности.

В 1617 году Речь Посполита и Швеция продолжили борьбу за господство на Балтийском море. Молодой шведский король Густав II Адольф захватил побережье Курляндии и порт Пярну, а затем начал активную дипломатическую деятельность по вербовке союзников против Речи Посполитой. В то же время он произвел полную реорганизацию шведской армии и флота. Поставив перед собой цель захватить всю польскую Лифляндию (Инфлянты), Густав Адольф приступил к претворению в жизнь своих намерений. В 1621 году перед шведами, наконец, капитулировала Рига, а в 1625 году – Тарту. Несколько позднее, чтобы окончательно искоренить в Восточной Лифляндии польское влияние, король подпишет указ о создании в Тарту протестантского университета. Новое учебное заведение было призвано заменить упраздненный иезуитский колледж, основанный в период господства здесь поляков.

После длительных переговоров в 1629 году в Альтмарке было заключено перемирие, означавшее окончание войны между Речью Посполитой и Швецией. По условиям Альтмаркского мира, прежние владения Польши в Ливонии были поделены следующим образом: территория современной Северной Латвии (Видземе) и Южная Эстония отошли Швеции, а территория Восточной Латвии (Латгалия) осталась во владении Польши. Таким образом, все важнейшие порты на восточном побережье Балтийского моря – Рига, Таллин и Нарва – оказались в руках шведов. Под их власть перешел и город Тарту, контролировавший западное побережье Чудского озера.

В середине XVII века отношения между Россией, Польшей и Швецией оставались крайне запутанными и отнюдь не улучшались. После первой общеевропейской Тридцатилетней войны (1618–1648) Швеция полностью контролировала Балтийское море и претендовала на ведущую роль в Северо-Восточной Европе. В то же время ни Речь Посполита, ни Россия не отказались от намерений укрепить свои позиции в этом регионе. В 1654 году началась война между Россией и Речью Посполитой из-за Украины. Русские войска отбили Смоленск, захватили важнейшие центры Великого княжества Литовского (Витебск, Могилев, Минск) и впервые в истории Литвы оккупировали Вильнюс, а затем Каунас и Гродно. Царь Алексей Михайлович требовал провозгласить его Великим князем Литовским.

Новый король Швеции Карл X воспользовался наступлением русских войск для того, чтобы захватить некоторые территории Польско-Литовского государства для себя, закрепив тем самым господство Швеции на Балтийском море и воспрепятствовав выход к нему России. В 1655 году две шведские армии вторглись в Польшу, а третья оккупировала Инфляндию (Польскую Ливонию) и часть территории современной Литвы. 8 сентября пала Варшава. В ситуации, когда большая часть Великого княжества Литовского была захвачена русскими войсками, гетман Януш Радзивил и некоторые другие знатные феодалы решили перейти на сторону шведов. Близ города Кедайнй был подписан литовско-шведский договор, разрывавший унию между Великим княжеством Литовским и Польшей и провозглашавший такую же унию между Литвой и Швецией. Шведский король Карл X Густав был провозглашен Великим князем Литовским. Однако поведение шведских войск на захваченных территориях привело к тому, что в 1656 году вспыхнуло антишведское восстание. Война приняла затяжной характер. Шведской армии пришлось покинуть Литву, что означало и прекращение унии Литвы со Швецией.

Вмешательство Швеции в польские дела не входило в планы России. Столкновение их интересов в Прибалтике в том же году привело к началу войны между двумя государствами. Война началась с конфликта шведских и русских войск из-за Даугавпилса. Летом 1656 года московские войска, возглавляемые самим царем Алексеем Михайловичем, отбили у шведов Даугавпилс и Кокенгаузен. Им удалось дойти даже до Риги, однако сил для того, чтобы взять осажденный город, уже не хватило, что вызвало крайнее разочарование и раздражение царя.

Успешнее развивалось наступление русских войск со стороны Пскова. Шведский гарнизон в Дерпте (эстонский Тарту, русский Юрьев) был осажден войсками воеводы князя А. Н. Трубецкого, а на Ревельской и Нарвской дорогах их прикрывали отряды И. И. Сунбулова и Л. К. Шеховского. Укрывшиеся в Лаисе шведы не смогли оказать помощь осажденным, и в октябре 1656 года Тарту капитулировал [9, с. 37]. Таким образом, город, основанный еще киевским князем Ярославом Мудрым, перешел под власть русского царя, а его жители принесли соответствующую присягу верности. В это же время в Латгалии под власть русских перешел Мариенбург (Алуксне).

Одним из главных инициаторов вступления России в очередную «северную» войну со Швецией был глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, происходивший из псковского дворянского рода и сделавший головокружительную карьеру при дворе царя Алексея Михайловича благодаря личным способностям и образованности. Его дипломатический талант впервые проявился еще до войны в качестве уполномоченного при демаркации псковско-шведского участка государственной границы. Позднее шведы, имевшие дело с Ордин-Нащокиным, называли его «русским Ришелье» [10, 275–276].

В начале 1657 года шведы совершили набег на окрестности Псковско-Печорского монастыря и осадили Гдов. Однако войска И. А. Хованского заставили противника отойти к Нарве, которая еще не была обнесена цепью бастионов и была близка к падению. Русские овладели шведской крепостью Ниеншанц на Неве, а казаки, снаряженные патриархом Никоном, даже смогли взять на абордаж шведский парусник у острова Котлин. Однако ключевые пункты Ижорской земли – Орешек и Ям – остались за шведами.

В 1658 году в селении Валиесари на полпути между Сыренском и Нарвой представители Швеции и России заключили перемирие сроком на три года. Переговоры с русской стороны вел Ордин-Нащокин, который смог удержать за Россией все завоеванные ею ливонские города. Однако мирный договор между Швецией и Речью Посполитой, заключенный после смерти Карла X в Оливе, близ Данцига, осложнил положение России. Польский король Ян Казимир отказывался от всех претензий на шведский трон, которые выдвигали его предшественники со времен Сигизмунда III Вазы. Этот мир был нужен Польше для продолжения войны против России. В 1661 году польско-литовские войска перешли в наступление, в том числе захватив Себеж на южных рубежах Псковской земли.

В том же году в селении Кардисс, что на подороге между Юрьевом и Ревелем, начались русско-шведские переговоры на предмет заключения мира. Ордин-Нащокин в них участия принципиально не принимал. Он был убежден в необходимости любой ценой закрепить за Россией завоеванные ливонские города, ради чего считал возможным даже отказаться от

Украины в пользу Польши, чтобы развязать руки для войны против ненавистного западного соседа [11, с. 510].

Однако оказавшаяся перед перспективой войны на два фронта русская сторона вынуждена была пойти на уступки шведам. В результате Кардисский мирный договор 1661 года восстановил между Швецией и Россией довоенное положение на условиях Столбовского мира 1617 года. Таким образом, Россия вновь оказалась отрезана от Балтийского моря. Политическое значение Пскова накануне следующей по счету Великой Северной войны (1700–1721) достигло своего апогея. Особенно явно оно проявилось в марте 1665 года, когда псковским воеводой был назначен А. Л. Ордин-Нащокин, продолжавший, тем не менее, выполнять фактически функции государственного канцлера (хранителя большой государевой печати). В период его воеводства Псков превратился в своеобразную дипломатическую столицу страны. В 1666–1667 гг. Ордин-Нащокин, оставаясь главой псковской администрации, одновременно руководил переговорами, закончившимися подписанием Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой, по которому последняя отказывалась от Левобережной Украины и Киева. А в сентябре 1668 года при его деятельном участии был открыт первый в России международный тракт Москва – Псков – Рига с регулярным почтовым сообщением. Узловой станцией данного тракта являлся именно Псков. Ежедневно по средам в Печорах встречались рижский и псковский курьеры, обменивавшиеся дипломатической и частной корреспонденцией.

После Кардисского мира отношения России и Швеции казались спокойными, развивалась торговля. Но напряжение сохранялось. В Стокгольме не забывали о своих старинных планах по установлению контроля над Северо-Западом России. Они были реанимированы уже в 1674 году – как раз во время шведского посольства Густава Оксеншерны в Москву, которое двигалось к своей цели через Псков. Мартом указанного года датирован анонимный документ с выразительным названием: «Невнятный прожект, коим образом надлежит с Московией воевать» [12, с. 34]. Неизвестный автор проекта настоятельно советовал шведскому королю поддерживать самые доверительные отношения с Польшей, чтобы в случае нужды вместе выступить против русских. По его мнению, Швеции необходимо было сблизиться и с Османской империей, и с Крымским ханством, и с Персией, чтобы иметь в их лице союзников на случай войны с Россией. Далее следовало описание российских земель с военно-стратегической точки зрения, намечались направления ударов шведских войск во время предполагаемых зимних и летних кампаний. Шла речь и о том, какой флот и какие силы следовало держать наготове в Белом море, чтобы овладеть Каргополом, Архангельском и их окрестностями. Приводились данные о морских глубинах, фарватерах, гаванях, островах и т. д. После овладения Архангельском шведам предлагалось продвинуться по Оби вглубь Сибири и овладеть ее столицей – Тобольском. Основные оккупационные силы рекомендовалось послать на территорию между Каргополом, Белым морем, Северной Двиной и Вологдой с тем, чтобы навечно закрепить их за шведским королевством.

Особое место в этих планах отводилось Пскову и Новгороду. Их окрестности предполагалось использовать как основную прифронтовую базу для содержания шведской армии, а новые границы укрепить дополнительными крепостями и мобильными воинскими отрядами.

Кроме того, автор прожекта размышлял над тем, как добиться лояльности русского населения на захваченных шведами землях, подчеркивая, что местные простолюдины недовольны жизнью, беспокойны нравом и склонны к бунту. Он считал, что их расположения можно добиться раздачей монастырских угодий и церковного имущества, а также свободой вероисповедания, «свойственной нашей религии в сравнении с их верой». Автор также полагал, что стоило бы отобрать сотню-другую более или менее образованных, предприимчивых, обладающих отменным здоровьем местных молодых людей и приписать на содержание к университетам в Тарту, Турку и Упсале. В случае шведского вторжения их предлагалось использовать в качестве своеобразных «агентов влияния» с тем, чтобы они, разъезжая по упомянутым землям, выступали бы с речами, завоевывая сердца и иным образом обеспечивая лояльность населения. В любом случае, на тот момент все вышеуказанные планы так и остались на бумаге, так как лидирующее положение Швеции на Балтике не устраивало ее южных соседей, прежде всего Данию и Польшу.

Справедливости ради следует оговориться, что по поводу трансграничного культурного обмена существовала и противоположная точка зрения. Например, в конце ноября 1698 года заместитель военного коменданта Тарту майор Валленштед в рапорте на имя генерал-губернатора шведской Лифляндии Эрика Дальберга пытался прояснить слух о якобы вероятном приезде в Тартуский университет четырехсот русских студентов, каждого из которых к тому же должны сопровождать несколько холопов. Майор опасался, что под видом учащихся в город придут никто иные как замаскированные московские стрельцы! В панике от гипотетического наплыва русских майор предлагал даже в ультимативной форме потребовать у соседей очистить от монахов Печорский монастырь вблизи границы и перевести Тартуский университет туда. По мнению шведского вояки, пусть уж лучше желающие из Тарту ездят за наукой в Печоры, чем «пятая колонна» русских студентов заполонит вверенный ему город [12, с. 37].

Недовольство балтийских государств господством Швеции и боязнь ее дальнейшей агрессии способствовали образованию антишведской коалиции. К этой коалиции хотели привлечь Россию, приняв, однако, меры к тому, «чтобы этот могущественный союзник не выхватил из-под носа жаркое и не шел дальше Нарвы и Чудского озера» [13, с. 383].

В начале XVIII столетия прибалтийский регион, с которым граничит Псковская земля, вновь стал ареной военных действий. В 1699 году была создана антишведская Северная лига, в которую вошла Россия, Дания, Речь Посполитая и Саксония. Правитель Речи Посполитой и Саксонии Август II Сильный надеялся при поддержке Петра I вернуть Лифляндию (а по возможности и Эстляндию) в состав Польско-Литовского государства. На решение саксонского курфюрста повлияло то обстоятельство, что в захвате Ливонии он видел лучшее средство укрепления своей власти в Речи Посполитой и превращения ее в наследственную [14, с. 284]. Активным вдохновителем коалиции был лифляндский помещик Йоганн Рейнгольд Паткуль, ярый противник шведских аграрных реформ (редукции). Именно он организовал в 1698 году встречу саксонского курфюрста Августа II, являвшегося одновременно польским королем, и Петра I на обратном пути последнего из Европы. Паткуль надеялся оторвать Ливонию от Швеции и сделать ее автономной провинцией магнатско-шляхетской Польши, де-

централизованная политическая система которой больше импонировала некоторым местным землевладельцам, чем абсолютизм шведской монархии. В секретном договоре Августа с Паткулем предполагался переход Лифляндии и Эстляндии в фамильное владение саксонского дома.

Первоначальной целью России в этой войне было возвращение исконной русской территории на южном побережье Финского залива – Ижорской земли (Ингрии, или Ингерманландии), побережья реки Невы и части Карелии, отторгнутых шведами в период Смутного времени согласно Столбовскому договору 1617 года. В частности, саксонский посланник в Москве писал своему суверену: «Петр выразил желание, чтобы ваше королевское величество помогли ему занять те шведские области, которые, по Божией милости и по праву, в сущности принадлежат России и были потеряны вследствие смуты в начале этого века» [14]. В соответствии с принятой союзниками диспозиции датчане должны были вступить в спорную со Швецией Голштинию, саксонские войска оккупировать Ливонию, а русская армия занять Ингрию (Ижорскую землю, или Ингерманландию).

Враждебные настроения соседей не могли быть большим секретом для их противника. Серьезную обеспокоенность шведские власти проявили уже весной 1697 года, когда проездом через Псков и Ригу Лифляндию посетило Великое посольство Петра I, направлявшегося в Западную Европу. Из Москвы посольство выехало 9–10 марта 1697 года по обычному посольскому маршруту через Псков. Первым зарубежным городом, который посетил Петр I, стала Рига, принадлежавшая в тот момент Швеции [15, с. 226]. По свидетельству рижского генерал-губернатора Дальберга, некоторые особы из царского посольства были «весьма назойливы» и не только лазали по городским укреплениям, собирая сведения военного характера, но и «с большим старанием обременяли местных жителей многозначительными рассуждениями». Недоразумения, случившиеся во время пребывания русского посольства в Риге, Петр позднее, как известно, использовал в качестве официального предлога для объявления войны Швеции. Тревожные для шведов слухи принесли и псковские мужики, бывшие в извозе и возвращавшиеся от границы с Курляндией. Остановившись на ночлег у крестьян в окрестностях Риги, они рассказывали, что летом царские войска вернуться и нападут, как напали на Азов [12, с. 37].

Великая Северная война началась в феврале 1700 года броском саксонцев на Ригу. Захватить город им не удалось. В марте в войну вступила Дания, а через несколько месяцев после нее и Россия. Сейм Речи Посполитой, стремясь избежать войны, не давал королю разрешения на участие польских войск в военных действиях. Именно поэтому Августу II пришлось использовать только саксонские войска. Речь Посполита как государство в войне не участвовала. После начала наступления на Западной Двине саксонских войск лифляндское дворянство покинуло свои усадьбы и эвакуировалось в города – Ревель, Пярну и Тарту. Вся южная часть Лифляндии была оставлена на разграбление. Однако первыми грабить помещичьи мызы начали не враги, а местные крестьяне [12].

Россия также готовилась к выступлению против шведов. С 4 августа по 2 октября 1700 года в Пскове находился сам царь. Город представлял собой один большой арсенал. Псковские мастера изготавливали холодное оружие для армии, отливали пушки, строили

речные и озерные суда. Военные приготовления не могли остаться незамеченными шведами. Гонец, прибывший из Пскова, сообщил тартускому коменданту Карлу Шютте, что там сосредоточено многотысячное войско, однако никто не знает, куда и с какой целью оно двинется. Предполагали, что оно пойдет на Нарву. Однако подробности шведам узнать не удалось, так как в начале осени псковские власти закрыли границу и никого за кордон не выпускали.

Неожиданно для союзников молодой шведский король Карл XII оказался достаточно энергичным полководцем. Уже в августе он разбил датчан и вынудил пойти их на заключение мирного договора. Однако царское правительство еще не знало этого и энергично готовилось к вступлению в войну. В ноябре 1700 года осаждавшие Нарву русские войска потерпели поражение от неожиданно подошедшей экспедиционной армии Карла XII. Потери русских были велики. Достаточно вспомнить о том, что русская армия под Нарвой потеряла практически всю свою полевую артиллерию – 135 орудий. Вместе с тем, данная неудача не стала фатальной для русской стороны и ущерб от нее не следует преувеличивать. «Нарвскую конфузию» 1700 года можно сравнить с «псковской конфузией» шведов в 1615 году, так как, подобно Густаву Адольфу, Петр I смог извлечь урок из этого поражения и мобилизовать все силы для восстановления и укрепления боеспособности своей армии.

Даже факт реквизиции церковных колоколов для восстановления потерянной под Нарвой артиллерии, используемый некоторыми историками в качестве иллюстрации всей глубины испытанного русской армией фиаско, было, конечно, вынужденной мерой, но не настолько экстраординарной, как обычно представляется неспециалистам. В Европе так называемое «право на колокола» в это время являлось обычной практикой. В английском манускрипте XVII века, устанавливавшем обязанности начальника военной полиции, сказано, что «артиллеристы и их помощники имеют право на лучший колокол в завоеванном месте». В 1807 году генерал-майор Бломфильд писал, что «было неизменной традицией в нашей службе, когда какой-нибудь город капитулирует, позволять офицеру королевской артиллерии требовать колокола в городе и зависимых местностях». Во французской армии *Grand Maitre des Arbalétriers* мог требовать пушки, колокола и медную или бронзовую утварь во всех завоеванных городах. В испанской армии существовал такой же обычай. Одно время в Англии колокола, конфискованные из монастырей, были главным источником оружейного металла [16, с. 20]. В этот сложный для петровской армии период неприступная псковская крепость, оцетинившаяся 200 орудиями, позволила русским прийти в себя, переформироваться и вновь обрести боеспособность для борьбы со стоящим практически на пороге врагом. До 1705 года Псков превратился в главную базу для действующей армии, переданной под командование Б. П. Шереметева. Штаб псковского корпуса располагался в палатах Постниковых на Запсковье («дом-мешок»), выполнявшего одновременно функции комендатуры.

Во всех пограничных пункта Псковского края были усилены гарнизоны. Вокруг старых стен самого Пскова по указанию Петра I спешно возводились земляные укрепления, ставшие прообразом нового типа фортификационных сооружений будущей Российской империи. Царь не раз лично инспектировал данные работы. Большую роль в подготовке города к обороне сыграл псковский воевода В. Б. Бухвостов и его помощники – дьяки Л. Клишин и Л. Вальков.

Некоторую передышку, необходимую для укрепления псковской границы, русским обеспечили их союзники-саксонцы, вновь угрожавшие столице шведской Лифляндии – Риге. Однако в июле 1701 года в состоявшемся на берегу Западной Двины Спилвеском сражении шведы разбили саксонское войско. После этой победы Карл XII увлекся преследованием польского короля и двинулся в противоположном от Пскова юго-западном направлении. Специально занимавшийся этим вопросом А. Г. Захаренко предполагал, что на отказ шведского короля штурмовать северо-западную границу российского государства могло повлиять именно нахождение на его пути такой мощной крепости, как Псков [17, с. 188]. Вполне возможно, что Карл XII действительно не пожелал испытывать судьбу там, где потерпел неудачу его великий предшественник Густав Адольф.

Это не означает, что шведы забыли о Пскове. Против него в Восточной Лифляндии был сосредоточен десятитысячный корпус Шлипенбаха, который постоянно угрожал псковским рубежам. Осенью 1701 года сын командующего Шереметева – Михаил Борисович – разбил шведов, шедших к Печорам, а затем, перейдя реку Выбовку (Выханду), под мызами Резвою и Озерецкою напал на отряд майора Розена и почти полностью его уничтожил. Из 600 шведов спаслись только один прапорщик и майор с 80 солдатами. Русские захватили в качестве трофеев шведский обоз, две пушки и три штандарта неприятеля.

В декабре 1701 года в поход против корпуса Шлипенбаха из Пскова выступили основные силы Шереметева. Они двигались по льду реки Великой и Псковского озера. Выдвижение русских войск на шведскую территорию заняло три дневных перехода. Первый привал был устроен у церкви Николы с устья на левом берегу дельты Великой. Вторую остановку войска сделали около села Лисье, недалеко от устья речки Пимжы на западном берегу Псковского озера. На исходе третьего дня отряды Шереметева наконец вышли на эстонский берег и разбили лагерь на берегу реки Выбовки (Выханду) в районе Ряпина. Оставив в последнем стане обоз, псковский корпус по глубокому снегу скрытно выдвинулся к Эрестферу, где находились зимние квартиры ничего не подозревавшего Шлипенбаха.

29 декабря 1701 года при Эрестфере произошло полевое сражение, завершившееся первой по настоящему крупной победой русских в этой войне. Солдаты неприятеля бежали, преследуемые русскими полками, которые не дошли до Тарту только около 10 верст. Тем не менее, его гарнизон сам выжег в панике посады города. Эта победа громко праздновалась и в Пскове, и в Москве. В награду за нее Б. П. Шереметеву было присвоено звание фельдмаршала.

18 июля 1702 года при Гуммельсгофе псковский корпус Шереметева одержал новую победу над шведами, после которой регион был практически очищен от шведских полевых частей. В августе того же года пала крепость Мариенбург (Алуксне). Среди захваченных здесь пленников была и Марта Скавронская – будущая супруга Петра I, более известная под именем Екатерины I.

Псковский корпус принял активное участие и в отвоевании Ижорской земли в конце 1702–1703 гг. Под непосредственным командованием Шереметева его соединения штурмовали Орешек (Нотебург), Ниеншанц и Копорье [18, с. 64–65]. В то же время отряд генерала фон Вердена, действовавший самостоятельно, нанес удар из Пскова на север вдоль восточ-

ного побережья Чудского озера и захватил Ямбург (современный Кингисепп), поставив завершающую точку в отвоевании Ингрии [19, с. 167]. Путь в Эстляндию и Лифляндию был открыт.

Молниеносное присоединение южного побережья Финского залива между устьем Невы и Нарвой было достигнуто за счет концентрации на этом направлении наиболее боеспособных подразделений русской армии, чьи тылы надежно прикрывались от возможного нападения основной армии Карла XII укреплениями Пскова. В конце 1700 – начале 1701 гг. в Пскове был развернут первый в России полк полевой артиллерии, канониров которого одели в униформу символического цвета «дыма и пламени» – короткий, до колен, красный кафтан с синей отделкой и медными пуговицами, красный камзол, синие чулки и низкие тупоносые башмаки с пряжками. Выбор дислокации артиллерийского полка, возможно, объяснялся не только приближенностью Пскова к театру военных действий, но и наличием необходимой инфраструктуры.

В Пскове впервые в европейской военной истории (раньше чем в западноевропейских армиях) была создана конная артиллерия, что подтверждается рядом достоверных фактов. Так, в боях под Гуммельсгофом в 1702 году прислуга длинных гаубиц была посажена на лошадей; при драгунских полках имелась своя мобильная артиллерия; сохранился указ «Об уборе артиллеристов конными», предусматривавший снабжение их лошадьми и принадлежностями для верховой езды. Специалисты в данной области обоснованно утверждают, что именно в первые годы Северной войны русская армия начала использовать полевую артиллерию в таких масштабах, которые до этого не были известны европейскому делу Европы [20, с. 73].

Реорганизация русской артиллерии, начатая в Пскове, благотворно сказалась на последующих кампаниях. Так, при осаде Копорья войсками Шереметева в 1703 году шведы капитулировали на следующий день после начатого артобстрела, несмотря на предшествовавшее бахвальство коменданта крепости, ответившего на стандартное предложение о сдаче: «Сами не уйдете». В отчете Петру I русский фельдмаршал по этому поводу отметил: «Слава Богу, музыка твоя, государь, – мортиры бомбами – хорошо играет: шведы горазды танцевать и фортеции отдавать; а если бы не бомбы, бог знает, что бы делать» [21, с. 41].

В июле 1704 года при осаде псковским корпусом Тарту решающему штурму города предшествовала настолько интенсивная артиллерийская бомбардировка, что Петр I назвал данный тактический прием «огненным пиром». В августе того же года царь даже организовал здесь своеобразные командно-штабные сборы для своих генералов и министров, разъясняя на месте нюансы проведенного псковскими артиллеристами «огненного пира» [22, с. 103]. Данная тактика активно использовалась русскими войсками в их продвижении по Прибалтике и позднее. Например, угроза массированной бомбардировки способствовала относительно бескровной капитуляции Риги, которая в то время превосходила по своим размерам Стокгольм. Известный исследователь Северной войны академик Е. В. Тарле справедливо отметил по этому поводу, что «одним из элементов русской окончательной победы и шведского разгрома была быстро возростающая сила русской полевой и осадной артиллерии и параллельно происходивший упадок артиллерии шведской» [20, с. 71].

Псков времен Северной войны стал также местом рождения первых в русской армии отдельных понтонного, минерного и инженерного подразделений [1, с. 314]. Важную, хотя, к сожалению, малоизвестную сейчас роль сыграл Псков и на первоначальном этапе становления отечественного военного флота. Еще в 1667 году по инициативе знаменитого псковича и государственного деятеля А. Л. Ордин-Нащокина, который являлся энтузиастом отечественного судостроения, и с соизволения царя Алексея Михайловича на Оке был заложен первый морской военный корабль «Орел» [23, с. 9]. Весной 1669 года построенный корабль перевели в Астрахань для охраны судоходства на Каспийском море, где впоследствии он был уничтожен в ходе разинского восстания [24, с. 71]. Тем не менее позднее Петр I в книге «Устав морской...» заметил по поводу этого проекта Ордин-Нащокина: «От начинания того, аки от доброго семени, произошло нынешнее дело морское». Сам по себе Псков являлся не только мощным арсеналом для сухопутной армии, нацеленной на шведов в Лифляндии и Эстляндии, но и одной из первых военных верфей на Северо-Западе России. При этом был использован опыт Азовских походов и постройки флота в Воронеже. Лепту в создание последнего внесло, в том числе, и псковское духовенство. Так, голландский мастер построил на Дону галеру «Псковский митрополит», средства на которую предоставила, видимо, псковская епархия.

Необходимость во вспомогательных флотилиях возникла и быстро была осознана русским командованием в процессе подготовки к борьбе за Прибалтику и за выход к Балтийскому морю. Особенно активные боевые действия в начале Великой Северной войны развернулись между Финским заливом, Чудским и Ладожским озерами, где противник имел эскадры боевых кораблей, укомплектованные кадровыми моряками. Они оказывали поддержку действиям своих сухопутных войск и препятствовали продвижению русских. Шведское командование даже не предполагало встретить на воде сколько-нибудь серьезного соперника. В начале войны шведы полностью хозяйничали на Чудском озере, прерывая водное сообщение своего противника и разоряя русские берега. Так, в 1700 году первый трофей – псковский стяг ручной вышивки, доставленный только что прибывшему в Прибалтику Карлу XII, – был захвачен именно шведской флотилией на Чудском озере, перехватившей караван судов, которые шли из Пскова с военными грузами к Нарве [25, с. 90].

За следующие несколько лет, прошедшие после начала войны, шведская эскадра, базировавшаяся на реке Эмайыги в окрестностях Тарту, увеличилась с шести до четырнадцати единиц. Заметно усилилась и ее огневая мощь. Больше других пушек (14) имело судно «Вахт-мейстер», флагманские корабли «Карлоус» и «Карлскрон» несли по 12 орудий соответственно, «Ульрика» – 10, «Нарва» и «Шютте» – по 8, «Виктория», «Виват» и «Элефант» – по 6, «Штремфельд» – 5, «Нумерс», «Шлипенбах» и «Хорн» – по 4 пушки. Во флотилию входило также судно «Дорпат», которое по каким-то причинам в основном оставалось на приколе в Тарту [12, с. 106]. Шведы стремились запереть русские суда, стоявшие на рейде реки Великой, в пределах Псковского озера и не пропустить их в акваторию Чудского озера. Командование русских войск в Пскове, напротив, считало своей задачей прорвать установленную шведской флотилией блокаду. Разведка боем против озерной эскадры врага была проведена в 1701 году, когда вышедший из устья Великой «псковитин» Иван Степанов с казаками вступил в бой со шведами, отбил у них 56 фузейных ружей и утопил две чугунные пушки.

Зимой 1702 года в Пскове было построено около 200 «малых галер», в итоге надежно прикрывших Псковское и Чудское озера от шведов. Для выполнения данной задачи напротив Стефановской церкви Мирожского монастыря была организована настоящая верфь и мобилизованы местные ремесленники. В народной былине того периода сохранилась память об этих событиях: «С Талабских островов да с Чудского озера многих корабельных мастеров и подручных в город пригнали, чтобы на луку, на Великой реке, близ церкви Степана корабли против шведов готовить».

В мае 1702 года военнотружущие псковского гарнизона на стругах и баркасах двинулись в наступление на север и через дельту реки Великой вышли на оперативный простор. В узком проливе, соединяющем Чудское озеро с Псковским, отряд полковника Ф. С. Толбухина был встречен шведской эскадрой под командованием вице-адмирала Лешерна. В результате между шведскими и русскими судами завязался упорный бой, продолжавшийся почти непрерывно в течение трех суток [26, с. 34]. Шведские корабли имели преимущество в артиллерийском вооружении и осыпали русских градом снарядов. Их залпами было разбито и потоплено несколько псковских карбасов. Однако в ответ наши солдаты применили тактику абордажа, мужественно сближаясь с противником под непрерывным огнем и вынуждая его вступать в рукопашные схватки. В результате ожесточенной баталии шведы вынуждены были оставить выгодную позицию, а псковские суда, сломившие сопротивление врага, прорвались в акваторию Чудского озера. 31 мая здесь произошел новый бой между отрядом Толбухина и пятью кораблями из эскадры Лешерна.

Наконец в июле 1702 года четыре шведских корабля Лешерна были атакованы близ устья реки Амовжи (Эмбах, ныне Эмайыга) отрядом русских карбасов генерал-майора Гулицца, вышедшего из Пскова за несколько дней до этого. Попутно десант Гулицца разорил шведское укрепление в устье Амовжи.

Во всех развернувшихся в 1702 году на Псковско-Чудском озере схватках шведы понесли ощутимые потери. В первом столкновении псковскими воинами была захвачена яхта «Вахтмейстер», а второе и третье завершились пленением еще двух шведских шкут – «Флундран» и «Виват» [27, с. 118–119]. Эти события стали прелюдией к формированию подразделений русской морской пехоты на Балтике. В боях на Чудском озере получил крещение в качестве командира морского солдатского полка Федот Семенович Толбухин, прославившийся в июне – июле 1705 года героической обороной острова Котлин, которая спасла строившийся Санкт-Петербург от массивной атаки шведского военно-морского флота [26, с.38-40]. Псковский опыт борьбы с лучше вооруженными шведскими кораблями был повторен месяцем позже на Ладожском озере, где неприятель держал эскадру под командованием вице-адмирала Нумерса. 27 июня 1702 года тридцать русских карбасов напали на него поблизости от Кексгольма, причинив шведам серьезный ущерб. В итоге Нумерс не рискнул оставаться в Ладожском озере и отвел свои корабли по реке Неве в Финский залив, что создало благоприятные предпосылки для успешной осады русскими войсками Нотебурга – древней новгородской крепости Орешек. Взятие последнего открывало русским дорогу к Балтийскому морю вниз по течению Невы, к устью которой армия Шереметева и вышла весной 1703 года. Здесь в мае того же года отряд лодок под командованием самого Петра I и Меньшикова взял на

абордаж два шведских корабля «Гедан» и «Астрильд», которые неосторожно отделились от эскадры Нумерса, продолжавшей курсировать в Финском заливе.

Одним из наиболее важных результатов прорыва псковской флотилии в акваторию Чудского озера стал захват русскими замка Сыренска (Нейшлосса) – мощного берегового укрепления на его северо-восточном берегу у истока Наровы [28, с. 82]. Руины этой крепости, виднеющиеся на эстонской стороне в черте поселка Васканарва, до сих производят сильное впечатление своей монументальностью. Гавань Нейшлосса являлась удобным пунктом для приема военных грузов из Пскова, необходимых для обеспечения боевых действий на нарвском операционном направлении. Действуя с данного плацдарма, русские отряды получили возможность делать набеги на окрестности Нарвы и Ивангорода.

Однако основные силы шведской эскадры, укрывавшиеся на Эмайыге, еще представляли серьезную опасность, угрожая с фланга русским коммуникациям между Псковом и Сыренском. В 1703 году шведы напомнили о том, что их рано сбрасывать со счетов, совершив диверсию на Талабские острова в Псковском озере. Однако закрепиться здесь они не могли и, уничтожив монастырь на острове Верхнем, отплыли к Тарту. Окончательно со шведской угрозой на Псковско-Чудском водоеме было покончено следующим летом. Имеется в виду масштабная операция русских против шведской флотилии на реке Эмайыги.

К летней кампании 1704 года активно готовились по обе стороны псковско-свейского рубежа. Шведы опасались большого наступления русских войск со стороны Пскова и хотели максимально спутать их планы. Поэтому было решено вывести суда в Чудское озеро как можно раньше. 16 апреля генерал-майор Шлиппенбах послал тартускому коменданту следующее указание: «Надо полагать, Чудское озеро к данному моменту уже полностью освободилось ото льда, так что флотилия может отплыть с насиженного места. Ситуация такова, что ее бездеятельность для Тарту далее просто нетерпима» [12, с. 107]. После этого началось лихорадочное оснащение шведских кораблей к походу. Однако русское командование в Пскове смогло переиграть противника.

Ставка русских войск в Пскове приняла решение запереть шведов в устье Эмайыги и вообще не выпустить их в озеро. 30 апреля командующий шведской флотилией Карл Густав Лешерн фон Герцфельд, получивший выучку в Голландии, доложил тартускому коменданту, что при попутном ветре его корабли готовы поднять паруса. Но к этому времени в гонке за то, кто первым спустит суда на воду, верх одержали псковичи. Уже 26 апреля генерал-майор Николай фон Верден во главе 7066 солдат и стрельцов с восемнадцатью пушками в придачу отплыл из Пскова в устье Эмайыги. Поднявшись вверх по реке, русский отряд 3 мая высадился на берег в нескольких милях от селения Кастре. Как раз на следующее утро 4 мая 1704 года шведская эскадра наконец двинулась от Тарту в сторону Чудского озера.

После короткой остановки у деревни Луунья Лошер фон Герцфельд узнал от местных рыбаков, возвращавшихся в Тарту, что к устью Эмайыги подходит до сотни русских плавсредств, и велел прибавить ходу. Шведские корабли подняли якоря и тремя группами под развернутыми парусами понеслись вниз по течению навстречу собственной гибели.

К этому времени псковский десант успел устроить шведам ловушку. У деревни Кастре река была перегорожена связанными между собой баркасами, а перед ними, чуть выше по

течению, сооружена преграда из бревен. Часть пехотинцев и два полка стрельцов засели на своих кораблях, а остальные солдаты залегли по берегам реки. Таким образом получился своеобразный «мешок», в который между семью и восемью часами утра на полном ходу и влетела шведская эскадра.

Бой продолжался около трех часов. Дольше всех держался на флагмане «Карлоус» сам Лошер фон Герцфельд. Но видя безнадежность своего положения и не желая сдаваться в плен, шведский адмирал бросил горящий факел в пороховой погреб и погиб вместе со своим взорвавшимся кораблем. У шведов 142 человека попали в плен, около 190 человек погибли или дезертировали, более 240 офицеров и солдат, находившихся в хвосте эскадры, спрыгнули на берег и сумели возвратиться под защиту крепостных стен Тарту. С русской стороны погибли подполковник, майор и 56 солдат, 162 человека получили ранения. В качестве трофеев победителям достались двенадцать кораблей с 86 орудиями. Часть пушек шведы успели утопить в реке, но русские солдаты сумели их поднять.

Отбитые у шведов корабли с большим триумфом перегнали в Псков. Затем их использовали в военных действиях против Тарту и для транспортировки материалов, необходимых при повторной осаде Нарвы. В результате этой победы шведы понесли тяжелый стратегический урон, а судоходство на Чудском озере полностью перешло под контроль России. Водный путь из Пскова на Тарту и Нарву, чрезвычайно удобный для перевозки военных грузов, необходимых для развертывания наступления в Прибалтике, наконец оказался открытым для российских войск.

В Петербурге в только что возведенной Петропавловской церкви состоялся благодарственный молебен в честь «пресчастливой» победы под Кастре. Царь на радостях написал фельдмаршалу Шереметеву в Псков, что остается только от всего сердца благодарить Господа Бога, ибо «таковые случаи Ему единому приписывать достоин». Голландец Адриан Шхонебек посвятил этому событию свою гравюру «Панорама сражения на реке Амовже при впадении ее в Чудское озеро 4 мая 1704 года», ставшую первой в ряду отечественных произведений живописи, изображающих выдающиеся военно-морские победы России.

Вскоре после этой победы из Пскова в направлении Тарту выступили основные силы фельдмаршала Шереметева и обложили этот опорный пункт шведской власти над восточной Лифляндией. Русские корабли, подошедшие с озера, оказывали помощь своим войскам, бомбардируя Тарту с реки Эмайыги. 3 июля под Тарту через Чудское озеро на яхте, отбитой у шведов от осажденной Нарвы, прибыл сам царь.

14 июля 1704 года в результате ожесточенного штурма город был наконец взят. В пятом часу пополудни фельдмаршал Шереметев поставил свою подпись под договором о капитуляции Тарту. В качестве военных трофеев победители получили 97 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц, около 500 тыс. мушкетных пуль, более 1500 пушечных ядер, 500 бомб. Внушительными были и захваченные у неприятеля продовольственные припасы. Эта победа развязала русской армии руки для взятия Нарвы, во время которой псковский корпус осуществлял ее прикрытие от возможной контратаки шведов со стороны Ревеля.

Нарвская виктория имела знаковое значение для морального духа русской армии. Но именно победа псковского корпуса под Тарту стало поворотным пунктом, с которого началось окончательное вытеснение шведов из Прибалтики.

Потенциальная угроза шведского наступления на Псков сохранялась еще несколько лет, но на практике дело ограничилось мелкими диверсиями со стороны противника. В ноябре 1705 года полуторатысячный отряд драгун шведского полковника Германа Брокгаузена совершил рейд по Рижской дороге в направлении русских позиций под Псковом и Тарту. В январе 1706 года в направлении Печор сделал набег отряд из трехсот шведских драгун под командованием майора Фрейденфельда. Заметного вреда псковским землям шведы нанести не смогли. Но отступив от старой границы, они всю зиму блокировали Тарту и сожгли в районе селения Луунья стоявшие там русские корабли и запасы сена.

3 января 1707 года был издан приказ о создании между русскими и шведскими армиями мертвой зоны в двухсоткилометровой приграничной полосе, начиная от Пскова через Смоленск до Черкасс, длиной 1400 километров по прямой линии. В Пскове формировалось народное ополчение.

Разгром шведской королевской армии под Полтавой способствовал успешному наступлению русских войск в Прибалтике, что окончательно отвело угрозу боевых действий от Пскова. В июле 1710 года перед армией фельдмаршала Шереметева открыла свои ворота Рига, в августе того же года пала крепость Пярну, а в сентябре – Ревель (современный Таллин) [29, с. 203]. Эти победы закрепили Прибалтику за Россией сначала де-факто, а в конечном счете и де-юре.

После окончательной капитуляции Лифляндии и Эстляндии Псков утратил роль главного оплота российских интересов в прибалтийском регионе. Однако его потенциальное стратегическое значение для обеспечения геополитических позиций русской государственности на Северо-Западе продолжало сохраняться, что и доказали события 20–30-х и 90-х гг. XX века. После присоединения на рубеже XX–XXI вв. стран Балтии к Европейскому Союзу Псков вновь, как и в рассматривавшийся выше период, превратился в ближайшие сухопутные ворота России на Запад.

Литература

1. Псков – город воинской славы: статьи и документы / Сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2010. С. 302.
2. Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Вступ. Ст. и коммент. д. и. н. А. А. Михайлова; Биогр. очерк Н. Ф. Левина. Псков, 2005. С. 321.
3. Robert I. Frost. The Northern wars. War, State and Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000. P. 83.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX–XII. Калуга, 1993. С. 142.
5. Ивонин Ю. Е., Ходин А. А. Густав II Адольф // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 55.

6. Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Том V. Выпуск 1. М., 2003. С. 120.
7. Коваленко Г. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 75.
8. Бологов А. А. Псков. Л., 1979. С. 220.
9. Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009. С. 37.
10. История дипломатии: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2005. С. 275–276.
11. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 510.
12. Лайдре М. Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллинн, 2010. С. 34.
13. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М., 2002. С. 383.
14. История Польши / Под ред В. Д. Королюка и др. М., 1954. С. 284.
15. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград, 1996. С. 226.
16. Чипола К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII веков. М., 2007. С. 20.
17. Захаренко А. Г. Создание оборонительных сооружений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печорского монастыря в начале XVIII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 188.
18. Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 64–65.
19. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 167.
20. Тарле Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 2009. С. 73.
21. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1988. С. 41.
22. Павленко Н. И. Петр I. М., 2007. С. 103.
23. Митрофанов В. П., Митрофанов П. С. Школы под парусами: Учебный парусный флот XVIII–XX вв. Л., 1989. С. 9.
24. Скрицкий Н. В. Корсары России. М., 2007. С. 24; Висковатов А. Обзор морских походов русских. IX–XVII столетия. М., 1946. С. 71.
25. Григорьев Б. Н. Карл XII, или пять пуль для короля. М., 2006. С. 90.
26. Зверев Б. И. Страницы военно-морской летописи России. М., 1981. С. 34.
27. Елагин С. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. – 1866. – № 1. – С. 118–119.
28. Полевой Н. А. Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев от времен Императора Петра Великого до царствования Императора Николая Первого / Н. А. Полевой; предисл. Б. П. Уткина – Перепеч. с изд. 1845 г. с испр. – СПб.: «Русская симфония», 2006. – С. 82.
29. Всемирная история войн. М. – Минск, 2008. С. 203.

Рецензент – В. А. Пальмин,
кандидат исторических наук, доцент